

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S0236200724040039

©2024 Ф.Р. ЭМАНУИЛОВ

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И НАУКА: ОДИН МИР ИЛИ ДВА?

Эмануилов Филипп Рахамимович — студент бакалавриата. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 109028 Москва, Покровский бульвар, д. 11. ORCID: 0000-0001-5544-8820. fremanuilov@edu.hse.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию вопросов о том, составляют ли научное знание и здравый смысл один мир или два, имеется ли между ними непрерывный переход или радикальный разрыв. Важность проблемы обусловлена тем, что из ее решения вытекают различные нормативные образы науки. В первой части работы проблема концептуализирована через обращение к французской философии науки первой половины XX века. Выделены два решения: континуальное (Э. Мейерсон) и дисконтинуальное (Г. Башляр). Очерчен статус проблемы в других контекстах философии науки и сделан вывод о преимуществе французской традиции. При этом выявлен основной ее недостаток — произвольность концепций здравого смысла. Во второй части статьи осуществлена попытка решить проблему, устранив указанный недостаток. Так, предлагается обратиться к данным антропологии науки для выработки эмпирически обоснованной концепции здравого смысла. Последний

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00450 «Концепции множества миров как инструменты научного поиска и междисциплинарного синтеза знания», <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

связывается с фолк-биологией — культурно универсальными способами мышления о растениях и животных. С опорой на антропологическую литературу выделены основные черты фолк-биологии, что позволило провести ее сравнение с научной биологией. В результате сделан вывод о наличии двух радикальных разрывов, пролегающих между ними. Первый — деконтекстуализация природы — состоит в изъятии объекта исследования из совокупности культурных и экологических отношений. Второй — деэссенциализация природы — подразумевает переход от эссенциалистского к историческому мышлению. Несмотря на ограничение здравого смысла областью живого, сделан предварительный вывод о наличии и характере разрыва между ним и наукой в целом.

Ключевые слова: философия науки, здравый смысл, Научная революция, Э. Мейерсон, Г. Башляр, антропология науки, фолк-биология, философия биологии, история биологии.

Ссылка для цитирования: Эмануилов Ф.Р. Здравый смысл и наука: один мир или два? // Человек. 2024. Т. 35, № 4. С. 46–61. DOI: 10.31857/S0236200724040039

Связывает ли здравый смысл и науку непрерывный переход или же между ними простирается разрыв? Пользуясь известной метафорой Т. Куна, живет ли ученый-теоретик в том же мире, что и обычный прохожий?¹ В данной работе я постараюсь дать ответы на эти вопросы. Таким образом, речь пойдет о наличии или отсутствии того, что можно называть «вертикальным разрывом» — разрывом между здравым смыслом и научным познанием. Вопрос же о «горизонтальных разрывах» — разрывах в динамике самой науки (например, разрывах между парадигмами) будет оставлен в стороне. Говоря о научном познании, я буду ориентироваться в первую очередь на естествознание, возникшее в ходе Научной революции. Для концептуализации же здравого смысла я обращусь к философии науки XX века, а также к современной антропологии науки.

Проблема вертикального разрыва представляет интерес в том числе и потому, что из ее решения вытекает вывод об определенных методологических решениях, способствующих или препятствующих успеху науки. Наличие вертикального разрыва между

¹ Кун использовал понятие «миры» при описании несоизмеримости сменяющих друг друга парадигм: «В некотором смысле... защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах... Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении» [Кун, 2009: 226–227].

Ф.Р. Эмануилов
Здравый смысл
и наука: один
мир или два?

здравым смыслом и наукой подразумевает непригодность концептуальных инструментов, укорененных в здравом смысле, к целям научного изыскания. Речь идет, например, о наглядных моделях, метафорах и аналогиях, дающих ощущение интуитивной ясности. Случаи же их применения в науке стоит тогда оценивать как инородные и тормозящие ее прогресс. Из обратного решения проблемы вертикального разрыва не следует подобного критического вывода. Более того, оно дает основания оценивать применение средств здравого смысла в качестве фактора успеха науки.

Проблема вертикального разрыва в философии науки

Сегодня почти забытая, проблематика вертикального разрыва находилась в центре дискуссий в философии науки первой половины XX века, в особенности французской. Во многом это связано с развитием во Франции того периода междисциплинарной программы по историзации человеческого разума и структур мышления². Основными полюсами полемики вокруг проблемы вертикального разрыва можно признать, с одной стороны, химика и философа Э. Мейерсона, а с другой — философов А. Рея, Л. Брюнsvика и их (более известного сегодня) ученика Г. Башляра³. Далее я постараюсь зафиксировать центральные идеи этих двух лагерей, а также вычленил основные линии их аргументации.

Мейерсон предполагал, что знание как таковое основано на фундаментальном принципе тождества, постулате о неизменном сохранении предметов во времени. Как философ писал в своей первой и наиболее влиятельной работе «Тождественность и действительность», наука есть «усилие разума к уразумению вещей..., которое может осуществляться только при помощи принципа тождественности во времени» [Мейерсон, 1912: 240]. И тем же самым принципом руководствуется здравый смысл, продолжением которого и является наука: «здравый смысл является составной частью науки, или, обратно, наука есть не что иное, как

² Наиболее полным на сегодняшний день исследованием этой программы является работа К. Кимиссо [Chimisso, 2008]. Стоит отметить, что именно из этой программы впоследствии выросла т.н. французская историческая эпистемология, связываемая с именами Г. Башляра, Ж. Кангийема и М. Фуко. Об исторической эпистемологии см.: [Соколова, 2019; Braunstein, 2023].

³ Рей и Брюнsvик были научными руководителями двух диссертаций Башляра, которые он защитил в 1927 году.

продолжение здравого смысла» [там же: 380]. По этому вопросу в лагерь Мейерсона можно также записать физика и философа науки П. Дюзма, полагавшего, что «все наши, даже наиболее отвлеченные, научные познания в последнем счете основываются исключительно на данных здравого смысла» [цит. по: Мейерсон, 1912: 395].

Обосновывал Мейерсон свою концепцию следующим образом. Он начинал с изучения здравого смысла, применяя метод психологической интроспекции и опираясь на выводы современных ему психологов и философов. В результате этого анализа он обнаруживал некое универсальное «бессознательное рассуждение», выражающееся в «непреодолимой тенденции к гипостазированию наших ощущений» в «понятие присутствующего объекта» [там же: 388–390], то есть принцип тождества. Наиболее простая форма такого гипостазирования и является тем, что мы называем здравым смыслом [там же: 390]. Затем же Мейерсон пытался показать, что способы рассуждения ученых (изучаемые в первую очередь через опубликованные научные тексты) в своей основе совпадают с принципом тождества и опираются на гипостазирование, что доказывало бы непрерывность здравого смысла и науки.

Рей, Брюнsvик, а вслед за ними и Башляр исходили, напротив, из радикальной изменчивости принципов разума и науки⁴. Момент разрыва науки с обыденным познанием наиболее четко выразил Башляр, зачастую прямо полемизируя с Мейерсоном. Позиция Башляра категорична — в работе «Философское отрицание» он писал: «Трактовать науку как некое очищенное мнение, а научный опыт как продолжение обычного опыта — заблуждение» [Башляр, 1987: 203]. Именно в связи с отделением науки от обыденного опыта Башляр развивает свою дисконтинуалистскую концепцию развития научного знания, суммирующую его последователями в терминах эпистемологического разрыва. В этом же контексте появляется и важное для Башляра понятие эпистемологического препятствия.

Если в основе концепции здравого смысла Мейерсона лежала интроспекция, то методологическое основание мысли Башляра

⁴ Компромиссную в этом плане позицию занимал Александр Койре. С одной стороны, он отметил введение в научный оборот термина «Научная революция», указывающего на дисконтинуальность развития науки. В знаменитой работе «От замкнутого мира к бесконечной Вселенной» [Койре, 2001] он описал революцию в астрономии и физике Раннего Нового времени, порвавшую с интуитивно понятной аристотелевской картиной мира. С другой стороны, Койре разделял тезис Мейерсона о наличии неизменных трансисторических структур мышления [см.: Дроздова, 2012].

выделить не так просто. Сам он называл свой метод «психоанализом научного знания», в рамках которого здравый смысл (или, как его чаще называл Башляр, первичный опыт) отождествлялся с проявлением бессознательного, несовместимого с требованиями научной объективности и поэтому подлежащего преодолению. Согласно Башляру, бессознательное господствовало в преднаучных формах познания природы, таких как алхимия, теория четырех элементов материи, гуморальные медицинские практики и т.д.⁵ Для современной же науки бессознательный первичный опыт выступает исключительно источником эпистемологических препятствий, классификации которых Башляр посвятил отдельную работу [Bachelard, 1967]. Одним из таких препятствий является субстанциализм, в котором угадывается мейерсоновский принцип тождества.

Можно сказать, что благодаря философскому авторитету своего автора, взгляд Башляра доминировал во французской философии науки первой половины XX века. Тем не менее от него стали отходить в 1960–1970-е годы на волне общей критики науки как привилегированной области культуры. Гораздо более распространенным ходом стало размывание границ между научным и не-научным. Этот переход замечен уже у ученика Башляра Кангийема. Примером здесь может послужить его исследование истории научного понятия рефлекса, истоки которого возводятся не к Р. Декарту, а к идеям полузабытого ятрохимика Т. Уиллиса, скорее преднаучным по современным меркам [Canguilhem, 1977]. Позднее Кангийем и вовсе ввел понятие научной идеологии, призванной служить промежуточным этапом между до-научными практиками и строгой наукой [Canguilhem, 2000]. Та же тенденция была продолжена уже учениками Кангийема, например, М. Серром и Ф. Дагоне. И хотя от позиции Мейерсона этих мыслителей (как и Кангийема) отличало отсутствие акцента на неизменности разума и принципе тождества, все они сходились в отрицании разрыва между научным и не-научным.

Остановимся также на англоязычной традиции в философии науки, которая часто воспринимается в качестве философии науки *per se*. Не будет преувеличением сказать, что эта традиция, в свете своей укорененности в наследии британского эмпиризма и философии здравого смысла, всегда склонялась к отсутствию радикального скачка между обыденным познанием и научным. Высокую оценку здравому смыслу в познании давал основатель

⁵ Например, подробный анализ теории четырех элементов содержится в первой главе работы Башляра «Рациональный материализм» [Башляр, 2000].

прагматизма Ч. Пирс, находившийся, помимо прочего, под влиянием Т. Рида [Boyd, Heney, 2017]. Важный аргументативный ход в полемике ранней аналитической философии, в частности Дж. Мура против абсолютного идеализма, опирался именно на апелляцию к здравому смыслу⁶. Не изменило данную ситуацию и проникновение в англоязычную философию логического эмпиризма, представители которого также зачастую опирались на здравый смысл в своей борьбе против метафизики⁷. Философы науки, ассоциируемые с постпозитивизмом, в общем также не подвергали сомнению связь науки с обыденным познанием⁸. Подобное единодушие подводит к выводу о большей плодотворности полифонической французской традиции в контексте проблемы вертикального разрыва.

Понятие мира в заглавии настоящей работы подталкивает к обращению и к феноменологии Э. Гуссерля, хотя она и стоит особняком в контексте философии науки. А именно необходимо сделать несколько замечаний относительно концепции жизненного мира, разрабатывавшейся Гуссерлем в первую очередь в своей поздней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»⁹. Жизненный мир понимался Гуссерлем как преданный окружающий мир, который мы разделяем с другими людьми как «этот мир» [Гуссерль, 2004: 166–169]. Это — конкретный мир обыденного опыта, мир, как он дан в естественной установке сознания [Moran, Cohen, 2012: 189]. Несмотря на отличие философских оснований, все эти характеристики роднят концепцию жизненного мира с концепциями здравого смысла во франко- и англоязычной философии науки. Каково отношение жизненного мира и естественнонаучной картины мира? Гуссерль отвечал на этот вопрос однозначно — жизненный мир «образует постоянную почву значимости», на которую мы опираемся «и как

⁶ См., например, эссе Мура «Защита здравого смысла» [Moore, 2013].

⁷ Так, М. Шлик пытался показать эквивалентность позитивизма Венского кружка с реализмом повседневной жизни в противоположность метафизике трансцендентного внешнего мира [Шлик, 2006]. Связь научного знания и повседневного подчеркивал и Х. Рейхенбах [Reichenbach, 1963: 177–178].

⁸ Это равно относится к таким далеким друг от друга фигурам, как К. Поппер и У. Куйан. Первый в поздний период своей работы укоренял метод проб и ошибок, используемый наукой, не просто в обыденном познании, но даже глубже — в процессе биологической эволюции [Поппер, 2002: 108–123]. Второй, уравнивая в эпистемологическом статусе постулируемые наукой сущности с мифами, прямо заявлял, что «наука является продолжением здравого смысла» [Куйан, 2003: 46–48].

⁹ Хотя понятие мира как горизонта всего опыта встречается уже в «Логических исследованиях» [Moran, Cohen, 2012: 189].

практические деятели, и как ученые» [Гуссерль, 2004: 167]. И хотя естествознание в ходе Научной революции и последующего развития оторвалось от жизненного мира, заменив его идеализированной абстракцией, она все равно вынуждена исходить из него как источника всякого смысла. Из этого следует, что в рамках феноменологии Гуссерля проблема вертикального разрыва не может быть поставлена со всей радикальностью.

Таким образом, контекст французской философии науки первой половины XX века представляется наиболее плодотворным для разработки проблемы вертикального разрыва. При этом нельзя сказать, что в ней было достигнуто удовлетворительное решение этой проблемы. Ее основным недостатком, на мой взгляд, являлся спекулятивный характер концепций здравого смысла. Метод интроспекции Мейерсона, с помощью которого он формулировал свою концепцию, вряд ли можно считать надежным в силу контингентности психологического опыта конкретного индивида, а ассоциативная психология, из которой также исходил философ, уже давно отвергнута психологической наукой.

Концепция здравого смысла Башляра также является слабо обоснованной. Как показывают исследователи, его психоанализ имел мало общего с фрейдовским психоанализом, из которого Башляр брал лишь отелльные идеи (в первую очередь о связи бессознательного и либидо) [Chimisso, 2013: 181–219]. Поэтому реальная психоаналитическая практика не может рассматриваться как обоснование его концепции. В целом философ относил к здравому смыслу феномены, априорно оцениваемые им как иррациональные — субстанциалистские метафизические теории, преднаучные теории и практики, бессознательные влечения, поэтическое воображение.

Мой же тезис состоит в том, что в свете развития современной антропологии мы, наконец, обладаем подходящими данными для выработки более строгой концепции здравого смысла и установления отношения между ним и современной наукой.

Проблема вертикального разрыва и антропология науки

Говоря об антропологии науки, я в первую очередь опираюсь на исследования антрополога С. Этрена. В своей работе «Когнитивные основания естественной истории» Этрен опровергает общепринятое среди антропологов мнение, что наука лишь интегрирует области обыденного опыта и что когнитивное развитие индивида естественным образом разворачивается в направлении научного

мышления [Atran, 1990: x]. Такое предварительное отделение науки от здравого смысла (вместе с накопленными более ранней антропологией данными) позволяет Этрэну провести независимое междисциплинарное исследование отношения между ними. Цель антропологии науки и формулируется исследователем как постижение «разделения когнитивного труда между наукой и здравым смыслом» [Atran, 1998: 568].

Важно, что здравый смысл исследуется Этрэном через призму оснований естественной истории, то есть мышления о живом мире. В этой связи Этрен и другие исследователи пишут о фолк-биологии (народной биологии) — спонтанно сложившихся и укорененных способах мышления людей о животных и растениях. Отдельно стоит подчеркнуть, что фолк-биология является когнитивно-универсальной для человеческого вида в целом, инвариантной относительно культурных различий и условий среды. Источниками же Этрэну послужили, с одной стороны, богатые данные о фолк-биологии, собранные еще в 1970-е – 1980-е годы в рамках этнобиологии и когнитивной психологии [см. напр.: Berlin, 1973; Brown, 1984]¹⁰, а с другой — собственное полевое исследование. Объектами последнего стали, во-первых, проживающие в Гватемале индейцы Ицай, чье государство было последним из завоеванных испанцами (в 1697 году) и которые сохранили практически все этнобиологические знания, предшествовавшие завоеванию; во-вторых, американцы-жители штата Мичиган [Atran, 1998: 551].

Опираясь на данные о фолк-биологии, собранные и обобщенные Этрэном в рамках антропологии науки, я попробую сравнить этот биологический здравый смысл с выработанными научной биологией способами мышления. Это, в свою очередь, поможет наметить неспекулятивное решение проблемы вертикального разрыва в философии науки.

Но перед этим необходимо проговорить некоторую ограниченность моей работы. А именно я буду рассматривать здравый смысл исключительно через призму фолк-биологии¹¹, а науку — через призму нововременной естественной истории и современной биологии. Подобное сужение проблематики представляется

¹⁰ Содержательный обзор области исследования фолк-биологии (а также фолк-психологии и, в меньшей степени, фолк-физики) см. в статье Г. Любарского [Любарский, 2016].

¹¹ Помимо фолк-биологии, антропологами и когнитивистами изучается и фолк-физика. Последняя определяется как способы мышления людей и животных об объектах в их физических мирах, а также о физических причинах и следствиях (то есть о физической каузации) [Silva F., Silva K., 2022: 2].

оправданным не только по соображениям экономии, но и по содержательным причинам. Дело в том, что биология как наука часто позиционируется в качестве более интуитивно ясной и соответствующей здравому смыслу. Во многом это связано с гораздо меньшей степенью математизации биологии в сравнении, например, с физикой. На первый взгляд, не претерпевала биология и сопоставимых концептуальных революций, каковые пережила физика в XX веке, в результате которых оказалась утрачена ее интуитивная очевидность. Все это позволяет предварительно экстраполировать выводы о возможном наличии вертикального разрыва в биологии и на физику: если между здравым смыслом и такой интуитивно-понятной наукой, какой является биология, находится разрыв, то же можно сказать и о заведомо менее интуитивно понятной физике.

Перейдем к основным результатам исследований Этрена. Антрополог зафиксировал четыре черты универсального фолк-биологического мышления. Во-первых, люди всех культур распределяют растения и животных по «видоподобным» (*species-like*) группам. Примерами таких «родовидов» (*generic species*) являются секвойя, рожь, енот и пр. [Atran, 1998: 547].

Во-вторых, предполагается, что в основе каждого из таких общих видов лежит неизменная сущность, единственно ответственная за типичные внешние признаки и поведение вида. Этот скрытый телеологический агент поддерживает идентичность и целостность каждого организма, даже когда заставляет его расти и изменять форму. Например, головастик и лягушка позиционируются в качестве одного и того же животного, несмотря на несхожую внешность, поведение и среду обитания [ibid.: 548].

В-третьих, фолк-биологии присуща квазитаксономическая организация. Каждый вид рассматривается в качестве подгруппы более широкой группы. Например, белый дуб рассматривается как подгруппа дуба, а последний — как подгруппа дерева [ibid.].

В-четвертых, такие фолк-таксономии не просто суммируют знания, но и составляют индуктивную основу для систематических выводов о вероятном распределении органических и экологических свойств между организмами. Например, если замечено какое-то заболевание среди воробьев, то можно обоснованно полагать, что оно с большей вероятностью присутствует среди других видов птиц, чем среди других видов, не принадлежащих к птицам [ibid.].

Рассуждая же об отношении этих фолк-биологических способов мышления к современной научной биологии, Этрен склоняется к дисконтинуалистской позиции. По его словам, «для научной систематики народная биология может представлять собой лестницу, которую нужно отбросить после того, как по ней поднимутся, или, по крайней мере, отложить в сторону, пока ученые бороздят космос» [ibid.: 563].

И все же его позиция неоднозначна. Так, он отмечает, что даже в своих радикальных пересборках систематики и биологии Линней и Дарвин, равно как и современные биологи, вынуждены опираться на фолк-биологические интуиции. Хотя наука и преодолевает границы здравого смысла и непосредственного опыта, она не теряет их полностью из вида [ibid.].

Беря взгляд Этрена за отправной пункт, ниже я бы хотел продолжить и усилить аргументацию антрополога в пользу наличия разрыва между фолк-биологией и научным мышлением о живом. Сам Этрен акцентирует скорее формальные отличия между ними. Три основные черты, отделяющие науку от фолк-биологии, согласно Этрену: несоизмеримо большая интеграция знаний, бесспорный приоритет в эффективности и предсказательной силе, а также неустраняемое наличие конкуренции различных теорий [ibid.: 566]. Я бы хотел дополнить этот перечень и более содержательными отличиями.

Изложение содержательных отличий фолк-биологии и научной биологии удобно оформить в качестве исторического нарратива. Как показывает Этрен, античные авторы, и в особенности Аристотель (вместе со своими учениками, в первую очередь Теофрастом), который часто рассматривается как основоположник биологии, в действительности выступили скорее систематизаторами фолк-биологических знаний и способов мышления, очистив их от магических и мифо-религиозных пластов [Atran, 1990: 119]. В целом же Аристотель следовал фолк-биологии в стремлении исходить из ближайших к человеку первых очевидностей, в использовании фолк-биологических родовидов и в ограничении предметной области локальным разнообразием (500–600 родовидов) [Atran, 1990: 119–123; Atran, 1998: 563–564]. Тем самым аристотелевская система знания, а также основанная на ней средневековая и ренессансная наука все еще находились в орбите фолк-биологических представлений.

Первый же момент разрыва с фолк-биологией можно датировать второй третью XVI века. Поводом к этому разрыву во многом послужили Великие географические открытия, продемонстрировавшие неудовлетворительность традиционных классификаций, основанных на локальном разнообразии. Говоря о персоналиях, этот разрыв можно связать с работами итальянского естествоиспытателя А. Чезальпино. Именно Чезальпино впервые удалось провести последовательную деконтекстуализацию природы (термин Этрена), в ходе которой изучаемый объект был изъят из совокупности культурных и экологических отношений и стал характеризоваться исходя из ограниченного числа универсальных и отвлекаемых признаков.

Ф.Р. Эмануилов
 Здравый смысл
 и наука: один
 мир или два?

Любарский, посвятивший этому событию отдельную работу, называет эту операцию идеацией и уподобляет ее новаторскому способу мышления Г. Галилея, открывшему дорогу математизированной физике [Любарский, 2020]. В обоих случаях чувственные объекты и процессы заменяются удачными идеализациями. Говоря о классификации растений, введенной Чезальпино, в оптике исследователя остаются только чашечки, лепестки цветка, тычинки, пестики, которые характеризуются исходя из числа, фигуры, расположения, пропорции [там же: 139]. Все остальные черты, несмотря на их возможную значимость для локальных культур, исключаются. Например, в научной классификации уже не будет места для такого важнейшего для центральноамериканских охотников параметра, как запах экскрементов животных [Atran, 1998: 562]. Тем самым первая черта фолк-биологии — классификация на основе общих видов, выделяемых по неотрефлексированным признакам (внешний вид, среда обитания, культурная значимость), — оказывается полностью преодоленной.

Второй момент разрыва научной биологии с фолк-биологией связан с дарвиновской революцией XIX века, когда происходит то, что по аналогии с термином Этрена я бы назвал деэссенциализацией природы. Последняя заключается в том, что вид (равно как и таксоны высшего уровня) начинает рассматриваться не как класс объектов, связанных общей неизменной сущностью, а как исторический продукт контингентной эволюции. В философии биологии этот перелом концептуализируется как переход от типологического мышления к популяционному [Maug, 2006] или как переход от концепции вида как типа к концепции вида как индивида [Hull, 1978].

Остановимся на последней перспективе. В додарвиновские времена вид понимался как класс или универсалия — неограниченная в пространстве и времени общность. Обычно классы функционируют в научных законах, призванных быть инвариантными относительно пространства и времени. Например, в законе «медь проводит электричество» медь выступает именно в качестве класса. Если виду традиционно приписывался статус класса или универсалии, то организмам — статус индивидов или партикулярных, подпадающих под этот вид. Индивид при этом понимался как (историчная) сущность, локализованная в пространстве и времени. Только в XX веке было осознано, что в свете дарвиновской эволюции виды с метафизической точки зрения уже не могут рассматриваться в качестве классов, а должны характеризоваться как историчные индивиды, не заключающие в себе никакой сущности, как это предполагалось в фолк-биологии.

Помимо деэссенциализации эта концепция вида порывает с фолк-биологией тем, что переопределяет характер отношений

между организмом и видом. На место отношения член/класс приходит отношение часть/целое. Подобно тому, как органы являются частями организма, организмы представляют собой части вида. Таким образом, переопределяется фолк-биологический принцип мышления таксономии в терминах вида/рода — третий из выделенных Этреном. Будучи проведенным в филогенетической систематике (кладистике), этот принцип привел к тому, что систематическая группа стала рассматриваться как тождественная той или иной эволюционной ветви (причем целиком). Тем самым понятие ранга оказалось попросту избыточным¹².

Здесь стоит оговориться, что в исследованиях фолк-биологии существует точка зрения на нее как организованную не иерархически, как это представляет Этрэн, но партономически, то есть исходя из отношения часть/целое [Любарский, 2016: 612–619]. Если принять данную концепцию фолк-биологии, современная систематика в лице кладистики как бы возвращается к фолк-биологическому способу классификации. Но даже в таком случае вряд ли это сможет сгладить разрыв между фолк-биологией и научной биологией. Речь должна будет скорее идти о диалектическом возвращении, опосредованном разрывом Нового времени с его иерархической систематикой, а не континуальном продолжении одного другим.

Таким образом, налицо два последовательных разрыва между фолк-биологией и научной биологией. Важно заметить, что эти разрывы не представляли собой некий побочный продукт развития науки, но были тем, что каждый раз конституировало саму ее область. Деконтекстуализация природы заложила основу систематики как универсальной и строгой научной дисциплины. Деэссенциализация же открыла целый континент дарвиновской эволюции, а впоследствии привела к кладистической революции в систематике.

* * *

Перед тем как перейти к выводам, стоит кратко суммировать ход предшествовавшего рассуждения. Я начал с формулировки проблемы вертикального разрыва в философии науки — радикального разрыва между наукой и первичными интуициями человеческого опыта, миром науки и миром здравого смысла. Затем было очерчено место данной проблемы в философии науки. Наиболее плодотворное обсуждение она получила во французской эпистемологической традиции первой половины XX века, а основные ее решения были эксплицитно сформулированы Мейерсоном и Башляром. Однако

¹² Так, в случае с доменом археи биологи предпочитают не проводить деления между царствами, пользуясь безранговой номенклатурой.

главный недостаток этой дискуссии состоял в неопределенном и спекулятивном характере концепции здравого смысла, на которую опирались упомянутые авторы. Это, в свою очередь, делало невозможным убедительное решение проблемы вертикального разрыва.

Далее, мой тезис состоял в том, что новые данные, полученные в рамках этнобиологии и антропологии науки, позволяют выработать более обоснованную концепцию здравого смысла. Чтобы добиться этого, необходимо было, однако, ограничить проблематику областью биологического. Опираясь на данные антропологии науки, я выделил четыре принципа, которым подчиняется здравый смысл в области биологического (фолк-биология): интуитивная классификация разнообразия в видоподобные группы, представление о лежащий в основе каждой группы сущности (эссенциализм), квазитакономическая организация классификации, индуктивизм.

Затем я сопоставил фолк-биологическое мышление с современной научной биологией и ее историей. В результате, между ними было зафиксировано два разрыва. Первый, произошедший в XVI веке и порвавший с первой чертой фолк-биологии, состоял в деконтекстуализации природы — изъятии объекта исследования из совокупности отношений. Второй, имевший место уже в XIX веке и преодолевший вторую и третью черты фолк-биологии, привел к отказу от эссенциализма, а также переходу от концепции вида как класса к концепции вида как индивида.

Все это подводит к выводу о наличии эпистемологического разрыва между фолк-биологией и биологией, эволюционно обусловленным здравым смыслом и научным мышлением о биологическом. Разумеется, более радикальный вывод о наличии разрыва между здравым смыслом и наукой в целом требует дальнейших исследований (наиболее очевидным из которых является сопоставление фолк-физики и научной физики). Однако именно биология зачастую рассматривалась как менее «дисконтинуальная» в своем развитии и более интуитивно понятная естественная наука в сравнении с физикой. Поэтому вывод о наличии в ней разрыва может быть предварительно обобщен до науки в целом. Однако точно можно зафиксировать одно — ученый-биолог и обычный прохожий, действительно, живут в разных мирах, а перенесение в биологию интуитивно ясных способов мышления, характерных для обыденного познания, стоит подвергать сомнению.

Common Sense and Science: One World or Two?

Filipp R. Emanuilov

BA student.

HSE University.

11, Pokrovsky Bulvar, Moscow 109028, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5544-8820

fremanuilov@edu.hse.ru

Abstract. The paper examines the problem of the vertical split in the philosophy of science — whether there is a continuous transition between scientific knowledge and common sense or a radical break. In the first part of the work, the problem is discussed through the French tradition in philosophy of science. Two main solutions are articulated: continualist (Meyerson) and discountinualist (Bachelard). At the same time, its main drawback is revealed — speculative nature of its concept of common sense. In the second part, an attempt is made to solve this problem by correcting this flaw. Thus, it is proposed to rely on data gathered in anthropology of science to develop an empirically grounded concept of common sense. It is connected to folk biology — universal ways of thinking about plants and animals. Main features of folk biology are highlighted and compared with scientific biology. As a result, it is concluded that there are two radical breaks between them. The first one, decontextualization of nature, consists in withdrawing an object of study from the totality of its cultural and environmental relations. The second, deessentialization of nature, implies a transition from essentialist to historicist thinking. A preliminary conclusion is made that there is a break between it and science in general.

Keywords: philosophy of science, common sense, Scientific revolution, É. Meyerson, G. Bachelard, anthropology of science, folk biology, philosophy of biology, history of biology.

For citation: Emanuilov F.R. Common Sense and Science: One World or Two? // Chelovek. 2024. Vol. 35, N 4. P. 46–61. DOI: 10.31857/S0236200724040039

Литература/References

Башляр Г. Рациональный материализм // Башляр Г. Избранное. Том 1. Научный рационализм / пер. с фр. А.Ф. Зотова, Л.П. Илиева. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 199–382.

Bachelard G. Ratsional'nyi materializm [Rational Materialism]. Bachelard G. *Izbrannoe. Tom 1. Nauchnyi ratsionalizm* [Selected Works. Vol. 1. Scientific Rationalism], trans. from French by A.F. Zotov, L.P. Iliev. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 2000. P. 199–382.

Башляр Г. Философское отрицание // Башляр Г. Новый рационализм / пер. с фр. Ю. Сенокосова, М. Туровера. М.: «Прогресс», 1987. С. 160–283.

Bachelard G. Filosofskoe otritsanie [Philosophy of No]. Bachelard G. *Novyi ratsionalizm* [New Rationalism], transl. from French by Yu. Senokosov, M. Turover. Moscow: “Progress” Publ., 1987. P. 160–283.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy], transl. from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2004.

Ф.Р. Эмануилов
 Здравый смысл
 и наука: один
 мир или два?

- Дроздова Д.Н. Александр Койре, ученик Эмиля Мейерсона: неизменность и историчность человеческого разума // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31. № 1. С. 192–206.
- Drozдова D.N. Alexandre Koyré, uchenik Emilya Meiersona: neizmennost' i istorichnost' chelovecheskogo razuma [Alexandre Koyré, a student of Émile Meyerson: the Immutability and Historicity of the Human Mind]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2012. Vol. 31, N. 1. P. 192–206.
- Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной / пер. с англ. В. Стрелкова, К. Голубовича, О. Зайцевой. М.: Издательство «Логос», 2001.
- Koyré A. *Ot zamknutogo mira k beskonechnoi vselennoi* [From the Closed World to the Infinite Universe], transl. from English by V. Strelkova, K. Golubovich, O. Zaitseva. Moscow: "Logos" Publ., 2001.
- Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
- Quine W.V.O. *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays], transl. from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk University Publ., 2003.
- Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009.
- Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], transl. from English by I.Z. Naletov. Moscow: AST: AST Moscow Publ., 2009.
- Любарский Г. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни // Философско-литературный журнал «Логос». 2020. Т. 30. № 1. С. 131–158.
- Lyubarsky G. *Rozhdenie novogo estestvoznaniya s tochki zreniya nauk o zhizni* [The Origin of a New Kind of Science from the Life Sciences]. *Filosofsko-literaturnyi zhurnal «Logos»*. 2020. Vol. 30, N. 1. P. 131–158.
- Любарский Г.Ю. Народная систематика: Иерархия, фолк-ранги, таксономия и партономия // Аспекты биоразнообразия. 2016. Т. 54. С. 593–628.
- Lyubarsky G.Y. *Narodnaya sistematika: Ierarkhiya, folk-rangi, taksonomiya i partonomiya* [Folk Taxonomy: Hierarchy, Folk Ranks, Taxonomy, and Partonomy]. *Aspekty bioraznoobraziya* [Aspects of Biodiversity]. 2016. Vol. 54. P. 593–628.
- Мейерсон Э. Тожественность и действительность / пер. с фр., под общ. ред. Д.М. Койгена. СПб.: «Шиповник», 1912.
- Meyerson É. *Tozhdestvennost' i deistvitel'nost'* [Identity and Reality], transl. from French, ed. by D.M. Koigen. St. Petersburg: "Shipovnik" Publ., 1912.
- Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Popper K. *Ob"ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod* [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach], transl. from English by D.G. Lakhuti. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002.
- Соколова Т.Д. Историческая эпистемология во Франции: к истории формирования дисциплины // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 1. С. 150–168.
- Sokolova T.D. *Istoricheskaya epistemologiya vo Frantsii: k istorii formirovaniya distsipliny* [Historical Epistemology in France: Towards the History of Discipline Formation]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2019. Vol. 56, N. 1. P. 150–168.

- Шлик М. Позитивизм и реализм // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное / пер. с нем. А.Л. Никифорова. М.: Издательский дом «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 283–310.
- Schlick M. *Pozitivizm i realizm* [Positivism and Realism]. *Zhurnal "Erkenntnis"* ("Poznanie"). *Izbrannoe* ["Erkenntnis" ("Knowledge") Journal. Selected Works], transl. from German by A.L. Nikiforov. Moscow: "Territoriya budushchego" Publ., Ideya-Press Publ., 2006. P. 283–310.
- Atran S. *Cognitive Foundations of Natural History: Towards an Anthropology of Science*. Cambridge, New York, Melbourne, Paris: Maison des Sciences de l'Homme, Cambridge University Press, 1990.
- Atran S. Folk Biology and the Anthropology of Science: Cognitive Universals and Cultural Particulars. *Behavioral and Brain Sciences*. 1998. Vol. 21(4). P. 547–569.
- Bachelard G. *La formation de l'esprit scientifique. Contribution à une psychanalyse de la connaissance objective*. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1967.
- Berlin B. Folk Systematics in Relation to Biological Classification and Nomenclature. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973. Vol. 4(1). P. 259–271.
- Boyd K., Heney D. Peirce on Intuition, Instinct, & Common Sense. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. 2017. Vol. 9(IX-2). DOI: 10.4000/ejap.1035
- Braunstein J.F. Historical Epistemology, Old and New. *Epistemology and History: from Bachelard and Canguilhem to Today's History of Science (conference)*. Berlin: MPIGW Preprint, 2012. P. 33–40.
- Braunstein J.F. The French Style in the Philosophy of the Sciences. *Handbook for the Historiography of Science*, M.L. Condé, M. Salomon (eds.) Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 293–314.
- Brown C.H. *Language and Living Things: Uniformities in Folk Classification and Naming*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1984.
- Canguilhem G. *La formation du concept de réflexe aux XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris: Vrin, 1977.
- Canguilhem G. Qu'est-ce qu'une idéologie scientifique? Canguilhem G. *Idéologie et rationalité dans l'histoire des sciences de la vie*. Paris: Vrin, 2000. P. 33–47.
- Chimisso C. *Gaston Bachelard: Critic of science and the imagination*. London; New York: Routledge, 2013.
- Chimisso C. *Writing the History of the Mind: Philosophy and Science in France, 1900 to 1960s*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2008.
- Hull D.L. A Matter of Individuality. *Philosophy of science*. 1978. Vol. 45(3). P. 335–360.
- Mayr E. Typological versus Population Thinking. *Conceptual Issues in Evolutionary Biology*, E. Sober (ed.). Cambridge, London: Bradford Books, The MIT Press, 2006.
- Moore G.E. A Defense of Common Sense. Moore G.E. *Philosophical Papers*. Oxon, New York: Routledge, 2013. P. 32–60.
- Moran D., Cohen J. *The Husserl Dictionary*. London, New York: Continuum International Publishing Group, 2012.
- Reichenbach H. *The Rise of Scientific Philosophy*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 1963.
- Silva F.J., Silva K.M. Folk Physics. *Encyclopedia of Animal Cognition and Behavior*, J. Vonk, T.K. Shackelford (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 2764–2773.

Ф.Р. Эмануилов
 Здравый смысл
 и наука: один
 мир или два?